

Уфаева Виктория Сергеевна

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЙ КОД СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Повышение значимости политической коммуникации в функционировании современного социума актуализирует проблему коммуникативной сущности власти, форм и способов ее проявления, соотношения коммуникативных и властных компонентов. В статье исследуется коммуникативная специфика политического взаимодействия, его морально-этические принципы. Дана интерпретация лингвокоммуникативного кода как системы лингвистических и экстралингвистических норм и правил, обуславливающих успешность современного политического взаимодействия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323.21+316.77

Философские науки

Повышение значимости политической коммуникации в функционировании современного социума актуализирует проблему коммуникативной сущности власти, форм и способов ее проявления, соотношения коммуникативных и властных компонентов. В статье исследуется коммуникативная специфика политического взаимодействия, его морально-этические принципы. Дана интерпретация лингвокоммуникативного кода как системы лингвистических и экстралингвистических норм и правил, обуславливающих успешность современного политического взаимодействия.

Ключевые слова и фразы: политическое взаимодействие; общественный диалог; политическое общение; язык политики; языковая личность; лингвокоммуникативный код; этика дискурса.

Уфаева Виктория Сергеевна*Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина**victoria-ufaeva@yandex.ru***ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЙ КОД СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ[©]**

Исследование современной политической деятельности актуализирует проблему коммуникативной сущности власти, форм и способов ее проявления, соотношения коммуникативных и властных компонентов в многообразных социальных практиках изменяющегося мира. В этой связи важно определить значение и место коммуникации в пространстве современной политики, в сфере властных отношений формирующегося информационного социума.

Актуальными задачами в рамках обозначенной проблематики являются: во-первых, выяснение коммуникативной специфики политического взаимодействия и его морально-этических принципов; во-вторых, исследование и обоснование роли языка политики и власти, его коммуникативной сущности и места в политических отношениях; в-третьих, определение наличия лингвокоммуникативного кода, обуславливающего успешность современного политического взаимодействия.

Отметим, что в социально-философском контексте политика рассматривается как сфера общественной деятельности, связанная с проблемой завоевания, удержания и использования власти, а также как своеобразная форма коммуникации. Политическая деятельность определяется как процесс создания и воспроизводства властно-управленческих отношений и институтов, формирование соответствующих им политических ценностей и ориентаций, специфические субъект-объектные коммуникативные отношения. Субъектами политических отношений выступают носители целенаправленной политической активности в процессах завоевания, удержания или использования власти: индивиды, социальные общности, социально-политические институты, которые вырабатывают и реализуют программы действий, направленных на достижение определенных политических целей.

В организации современного политического пространства важной задачей является выяснение коммуникативных особенностей информационных субъект-объектных (S-O) отношений и возможности построения отношений субъект-субъектного (S-S) типа.

В первом случае коммуникативные отношения политических субъектов как друг с другом, так и с обществом не подразумевают осуществление обратной связи и, соответственно, не могут называться *взаимодействием*, так как являются лишь политическим *действием*. Более того, подобное действие может приравниваться к политическому *воздействию* субъектов как друг на друга, так и на окружающий социум. Исследователи отмечают «униполярность» такой коммуникации, имея в виду множество исторических примеров, когда «власть просто информирует массу пассивных и занятых своими частными проблемами индивидов, либо политически “продавливает” решения, реализация которых не ассоциируется в сознании людей с их собственными интересами. В этих случаях интерпретация гражданами пущенных в публичное обращение текстов, смысловой “ответ” общества на послания власти функционально безрезультатны, т.е. не нужны последней, и, следовательно, не включаются в структуру корректировки имеющихся планов и не используются для диагностики политических процессов» [13, с. 7].

Под субъект-субъектным (S-S) взаимодействием в политическом пространстве понимается такое *взаимодействие*, которое предполагает обратную связь и включает в себя, по сути, «политический диалог». Действительно, ценностная составляющая современного демократического общества заключается в открытости и диалогичности власти. Политический диалог становится эффективной формой осуществления политической власти, которая не мыслится без всего комплекса оснований и форм ее осуществления. В таком случае релевантным оказывается не столько мотив прямого принуждения, сколько экзистенциально-антропологические, морально-этические и коммуникативные основания властной зависимости.

Современные черты гражданского общества (правовое государство, частная собственность, средний класс, либеральные ценности) превращаются в безжизненные символы, если они не включают реальный диалог власти с обществом. Подобная ситуация наделена не только абстрактно-теоретическим или моральным смыслом, но может стать вопросом реального выживания политических сообществ. Российские социальные философы считают, что в настоящем гражданском обществе складываются особые системы коммуникации, когда в ходе общественного диалога осознаются интересы, вырабатываются позиции и программы действий. Благодаря этому в случае серьезной (внутренней или внешней) опасности для общества каждая его группа способна быстро оценить соответствие возможных изменений своим интересам, причем сделать это независимо от способности самой власти к гражданскому диалогу. Тем самым гражданское общество способно защитить власть, «даже если по множеству второстепенных проблем к этой власти имеются серьезные претензии» [8].

Диалог является естественной формой общения, присущей самым разнообразным сферам, начиная с семейных отношений и заканчивая политическими практиками. В условиях усложнения современного общества, где традиционная демократия большинства приобретает вид демократии «лоскутного коврика» [12, с. 12] меньшинств и субкультур, диалог выходит на передний план социальной практики. Неизбежность трансформаций социума приводит к изменениям в моделях властных отношений: от формальных к конвенциональным паттернам.

Еще древнегреческие философы отмечали тесную связь между диалогом и понятием политического: последнее «живет» в коммуникативной стихии диалога. Интерпретируя специфику коммуникативного взаимодействия как диалога, мы опираемся на традицию, созданную античной (Сократ, Платон, Аристотель) и отечественной (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Ю. М. Лотман) диалогикой [5]. В трудах отечественных социальных философов подчеркивается, что диалог, по своей сути, предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию на взаимное понимание и собственную интерпретацию точки зрения Другого, взаимную дополнительность позиций участников общения и их сопоставление [3, с. 106-107]. В отличие от простого сообщения, которое имперсонально и имеет монологичную форму, диалог имеет принципиально коммуникативную природу и направлен на общение с определенной личностью, представляет собой свободную межсубъектную связь и взаимодействие уникальных партнеров, каждый из которых соотносит себя с Другим в своей собственной единственности и неповторимости. Согласно М. М. Бахтину, понимание другой личности и «чужого сознания» невозможно, если относиться к ней как к объекту или вещи, рассматривая ее как завершенный образ или с позиции беспристрастного наблюдателя [2, с. 134].

Самым существенным показателем всеобщности диалогизма является язык: он может быть представлен в качестве средства общения, возможности познания, а также способа самовыражения. В языке заложена суть бытия, источник духовной энергии человека. М. М. Бахтин отмечал: «Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться. Абсолютная смерть (небытие) есть неуслышанность, непризнанность, невспомянность. Быть значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [4, с. 300]. Философ связывает концептуализацию общения в терминах диалогических отношений с развитием личностного начала в истории, литературе и языке: «открытие человека личности и его сознания... не могло бы совершиться без открытия новых моментов в слове, в средствах речевого выражения человека. Раскрылся глубинный диалогизм слова» [Там же, с. 306].

Представленные философско-методологические положения в полной мере относятся к сфере отношений, где язык и политика связаны, как признаётся современными исследователями, «фундаментальным образом». Например, в концепции «социальных капиталов» французского социолога П. Бурдьё особо выделяется «лингвистический капитал», интерпретируемый как степень владения культурной формой речи и ее функциональными разновидностями, что является неперемным условием успешной деятельности политика и государственного чиновника, т.к. «в политике слово и есть дело» [6, с. 206]. Отмечается, что реальное собственное политическое бытие в значительной мере зависит от сознания того, в каких фигурах и концептах оно оформлено. А следовательно, требуются специальные коммуникативные технологии и специфический язык политической сферы, формирование коммуникативно-речевой компетенции публичного общения. В целом, для языковой личности политика необходимо владение словом, умение формулировать мысли, выражать чувства, общаться с людьми, что представляет высокую культуру речи, соблюдение правил речевого поведения и речевого этикета.

Именно поэтому социальные теоретики и практики уделяют довольно пристальное внимание лингвистической составляющей политического общения. Язык, по их мнению, это средство коммуникации между политическим лидером и его избирателями. Он «действует в некотором роде как связующее звено политического общества, как инструмент поддержания необходимого информационного уровня общества» [Там же]. Слово, исходящее из уст политика, – важнейшее орудие воздействия на массы. Слово как инструмент позволяет политику создавать значимые для избирателей образы, «заряжать» людей энергией, побуждать их к действиям. «Действует магия удостоверенных, повторяемых слов и формулировок. Она распространяется, подобно заражению, с быстротой электрического тока и намагничивает толпы. Слова вызывают четкие образы крови или огня, воодушевляющие или мучительные воспоминания о победах либо о поражениях, сильные чувства ненависти или любви» [9, с. 189]. Вместе с тем отмечается, что язык может служить как для сплочения людей, так и для их разобщения, и использоваться как инструмент убеждения или манипулирования.

Вместе с тем язык представляет собой специфическую конструкцию социума, без которой нет и не может быть его экономической, социальной, культурно-духовной структур. Американский социальный философ

Т. Парсонс справедливо отметил, что «лингвистический код является нормативной структурой, параллельной той, которую составляют социальные нормы и ценности» [11, с. 513]. Таким образом, язык является определяющим средством социальной коммуникации, ее базовым кодом, а следовательно, одним из основных понятий в конструировании коммуникативных стратегий социального взаимодействия.

Мы считаем, что построение эффективной модели взаимодействия в современном политическом пространстве требует углубленного научного поиска новых языковых форматов коммуникативных отношений и действий. Примером, на наш взгляд, может служить современная лингвокоммуникативная парадигма, которая сконструирована, исходя из признания необходимости разработки инновационных лингвокоммуникативных стратегий и совершенствования их лингвистического и языкового содержания [16, с. 175]. Под лингвокоммуникативными стратегиями в данном случае понимается «рассчитанное на долгосрочный период социальное взаимодействие с использованием лингвистических средств, обеспечивающих осмысление, понимание, кодирование, трансляцию и реализацию наиболее значимых идей и практик». В концепции выделяются четыре типа стратегий: интерпретационная, герменевтическая, семиотическая и дискурсивная, лежащих в основе парадигмы, базирующейся на четырех ключевых понятиях – смысле, понимании, тексте и дискурсе [14, с. 227]. Не пренебрегая значения всего комплекса предложенных лингвокоммуникативных стратегий, заострим внимание на рассмотрении дискурсивной стратегии как особо значимой для плодотворности социальной коммуникации именно в сфере политики.

Современными социальными философами, в том числе представителями саратовской философской школы, отмечено, что дискурс по характеру содержащихся в нем общезначимых притязаний, обладает в коммуникации особым статусом «трансформированного субъекта». Как отрефлексированная форма коммуникации, он является общезначимым и универсальным трансцендентальным субъектом – нормативным фундаментом значимости рационального действия вообще [17, с. 80]. В дискурсе видят возможность критически дистанцироваться от социальной реальности и утвердить ее принципы не на позитивистском принятии существующих норм и ценностей и не на притязаниях единичного субъекта, но на рациональном непредвзятом обсуждении. Таким образом, дискурс определяется как вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников [10, с. 55].

Относительно дискурсивной составляющей в изучаемом нами политическом взаимодействии немаловажным является вопрос этики, а именно, этики политического дискурса, который содержит практическую установку на выработку адекватных ответов перед лицом глобальных вызовов современности. В философской интерпретации дискурсивная этика (этика дискурса) – это универсальная программа коллективной ответственности за будущее человечества, заключающаяся в свободном обсуждении проблем, выработке решений по сохранению жизненного мира человека [17, с. 106-110]. Этика дискурса предоставляет каждому члену сообщества возможность включиться в обсуждение, чтобы высказать свое мнение и отстаивать свои интересы. Важным аспектом коммуникативной этики является учет всех последствий действия и ответственность за них: любой вид деятельности, особенно коммуникативной, представляет собой ответственный выбор, основанный на индивидуальных особенностях и нормативно-ценностной ориентации каждой конкретной личности [15, с. 29].

Кодом современного политического взаимодействия могут стать идеи взаимного уважения и партнерских отношений между субъектами, что составляет основу морального развития как отдельного человека, так и общества в целом. Важным, с нашей точки зрения, является рассмотрение этических характеристик дискурса, которые формируют его нормативную базу в поле открытости, свободы и равноправия как фундаментальных ценностей.

В политическом коммуникативном пространстве особое значение имеет принцип открытости, обеспечивающий возможность любому партнеру по дискурсу выражать собственную точку зрения, независимо от экспертности данного высказывания. Дискурс наделяет правом на существование любой аргумент, который кажется участнику оправданным в данном контексте дискуссии.

Свобода изложения информации и свобода от принудительных действий, т.е. ее аргументирование, – следующая фундаментальная ценность этики дискурса. В поле коммуникативного пространства может возникать конфликтная ситуация по поводу борьбы за лучший аргумент, вследствие чего складывается ситуация открытого или завуалированного принуждения, что в целом недопустимо в условиях дискурса. Следовательно, свобода от насилия и любого вида давления является необходимым условием дискурса и достижения консенсуса.

В свою очередь, особую ценность приобретает грамотное, компетентное аргументирование на равноправных началах, т.е. без акцента авторитетности субъектов коммуникативного взаимодействия. Дискуссия должна предполагать абсолютное и бесспорное равноправие каждого члена коммуникативно-политического сообщества.

Современные социальные философы (более всех Ю. Хабермас и К.-О. Апель), опираясь на прогрессивные этические традиции и исходя из основного принципа возможности достижения консенсуса в условиях принципиального равноправия членов сообщества идеальной коммуникации, формулируют базовый принцип этики дискурса или принцип универсализации, задающий критерий обоснования конкретных моральных норм. Известна формулировка принципа универсализации, предложенная Ю. Хабермасом: «всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию, чтобы те прямые и побочные следствия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются» [18, с. 103-104].

Данный императив поддержан и дополнен К.-О. Апелем, признающим этику ответственности основой бытия реального коммуникативного сообщества [1, с. 324]. Для К.-О. Апеля принципиально важным явилось

предложенное М. Вебером различие «этики убеждения» и «этики ответственности» [7, с. 696-705]. Этика убеждения превыше всего ставит верность принципам, не учитывая результаты и побочные следствия, которые влекут за собой соответствующие решения и действия. Если человек, руководствуясь верностью принципам, осознанно принимает решение, грозящее неблагоприятными последствиями только ему самому, то такая позиция вызывает уважение. Ситуация становится не столь однозначной в случае, например, с политиком, от решения которого зависит жизнь миллионов людей. Поэтому в политике, по мнению М. Вебера, этика убеждения должна дополняться этикой ответственности, ориентированной на учет предвидимых последствий действий.

Итак, коммуникативная этика предлагает значимые нормы поведения, которые одобряются и должны соблюдаться всеми участниками практического дискурса. Этика дискурса как этика ответственности не провозглашает возможность полной реализации сообщества идеальной коммуникации в действительности, хотя бы и в отдаленном будущем. Она требует действовать так, чтобы способствовать максимально возможному приближению к этому идеалу.

По содержанию статьи можно сделать следующие выводы:

- способность власти к выстраиванию политического коммуникативного взаимодействия является одним из приоритетных условий формирования и развития гражданского общества. Однако практическое осуществление данного тезиса в российских политических реалиях сталкивается с рядом трудностей, среди которых – недостаточный уровень коммуникативной и нравственной культуры политической деятельности. В этой связи возрастает необходимость актуализации морально-этических и ценностных регулятивов в политическом взаимодействии современного демократического типа;

- коммуникативный потенциал языка власти, его активная роль в осуществлении политической деятельности способствуют созданию новых моделей языковых форматов политических взаимодействий: принципов, концепций, стратегий. Принцип диалогичности порождает особые системы коммуникации гражданского общества, что выводит общественный диалог на передний план современных политико-коммуникативных практик. Диалог выступает эффективной формой осуществления политической власти, реализации ее коммуникативных и морально-этических оснований.

Тенденция кодифицирования проявляется как стремление к рационализации и упорядочиванию политического взаимодействия в противовес манипулятивным и инструментальным коммуникативно-политическим практикам, инициирующим негативные и деструктивные действия. Преодоление поливариативности коммуникативных и языковых кодов осуществляется через создание лингвокоммуникативного кода социально-политических практик. Лингвокоммуникативный код выступает как система лингвистических (языковых, речевых, дискурсивных) и экстралингвистических (коммуникативных, ценностных, социокультурных) норм и правил, обуславливающих успешность современного политического взаимодействия.

В целом синтез социально-философского и коммуникативного анализа политического взаимодействия раскрывает специфику содержания и функций последнего, эксплицирует место и значение коммуникативной составляющей в структуре современной политической деятельности.

Список литературы

1. **Апель К.-О.** Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 343 с.
2. **Бахтин М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7-181.
3. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. **Бахтин М. М.** План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» // Контекст. М., 1976. С. 293-316.
5. **Библер В. С.** От наукоучения к логике культуры: два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
6. **Бурдые П.** Социология политики. М., 1993. 336 с.
7. **Вебер М.** Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
8. **Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М.** Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/export/index.htm> (дата обращения: 24.11.2012).
9. **Московичи С.** Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
10. **Орлов М. О.** Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 54-59.
11. **Парсонс Т.** Понятие общества: компоненты и их взаимодействие // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 494-526.
12. **Поцелуев С. П.** Политические парадialogи: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.
13. **Соловьев А. И.** Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5-18.
14. **Стриганкова Е. Ю.** Лингвокоммуникативные стратегии социального взаимодействия // Вестник ПАГС. 2010. № 2 (23). С. 225-231.
15. **Стриганкова Е. Ю.** Социально-духовный аспект коммуникативных практик современного социума // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 27-29.
16. **Стриганкова Е. Ю.** Социокультурный анализ коммуникации: становление и методологические ориентиры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. I. С. 172-176.
17. **Тетюев Л. И.** Трансцендентальная философия. Современный проект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 292 с.
18. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 739 с.

LINGUO-COMMUNICATIVE CODE OF MODERN POLITICAL INTERACTION

Ufaeva Viktoriya Sergeevna

Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin
victoria-ufaeva@yandex.ru

The increasing significance of political communication in the functioning of the modern socium actualizes the problem of the communicative essence of power, forms and methods of its manifestation, the correlation of communicative and power components. The author researches the communicative specificity of political interaction, its moral-ethical principles, and gives the interpretation of the linguo-communicative code as a system of linguistic and extra-linguistic norms and rules that determine the success of modern political interaction.

Key words and phrases: political interaction; public dialogue; political communication; language of politics; linguistic personality; linguo-communicative code; discourse ethics.

УДК 316.454.2

Социологические науки

В статье анализируются основные социально-психологические особенности бюрократии. Оказываясь в бюрократической организации и встраиваясь в систему должностей и норм поведения, человек приобретает определенные качества и социальные представления, свойственные бюрократии как профессиональной группе и отвечающие групповой экспектации. Автор делает вывод, что корпоративизм, свойственный бюрократии, находит свое проявление в общности социальных представлений, сплоченности и подчинении предписанным нормам.

Ключевые слова и фразы: профессиональная группа; корпоративизм; социальные представления; профессиональная деформация; экспектация; дисфункции бюрократии; дисциплина.

Филатова Ольга ВикторовнаРоссийский университет дружбы народов
o.filatova87@gmail.com**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЮРОКРАТИИ[©]**

Принадлежность к профессии формирует некоторые психологические особенности у ее представителей. И бюрократия не является отступлением от данного правила. Эти ее свойства рассматривает Р. Мертон, обращаясь к проблеме бюрократии в рамках исследования формальных организаций и используя в качестве методологического инструментария структурно-функционалистский подход. Что касается основных признаков бюрократии, то он опирается на классический анализ, представленный в работах М. Вебера, сосредоточив внимание на специфике поведения личности в бюрократической организации, на восприятии человеком формальных, обусловленных положением в должностной иерархии, и дисциплинарных ограничений. Так, формальная организация, по Мертону, предполагает жестко установленные нормативы деятельности, каждый вид деятельности предполагает наличие специальной должности и профессиональной подготовки. Все должности, в свою очередь, имеют функциональную взаимосвязь, им присущи обязанности и привилегии, равно как и определенные ограничения. Уровень компетентности, ответственность и полномочия предписаны именно должности, а не конкретной личности, ее занимающей. Между позициями в бюрократической иерархии существует система «предписанных отношений» [11, с. 323], регламентирующая официальные контакты и социальную дистанцию. Атрибуты должности (обязанности, ограничения, требования профессиональной подготовки, привилегии, система отношений и т.п.) формируют ролевые экспектации, т.е. ожидания поведения, соответствующего нормам, принятым в социальной группе или в организации, и предусматривающие санкции за нарушение групповых норм. Формальная организация стремится к закреплению всех возможных поведенческих ситуаций путем составления инструкций, регламентов, обязательных для исполнения внутри организации. Это в определенной мере способствует предсказуемости поведения людей, минимизации конфликтных ситуаций и облегчению взаимопонимания и взаимодействия в рамках организации. Общность правил требует постоянной «категоризации» [Там же, с. 324], т.е. при помощи группировки проблем по какому-либо признаку и подведения под заранее разработанную классификацию предполагается найти решение индивидуальной проблемы.

Все должности в бюрократических организациях являются набором определенных функций, обеспечивающих работу организации как целостной системы. Системный подход к бюрократической организации и роли человека в ней предложен Н. Луманом. Он определял систему как «форму различения, которая имеет две стороны: систему (внутреннюю сторону формы) и окружающую среду (внешнюю сторону формы). Лишь обе